

УДК 821.161.1

Интерпретация личности и творчества А.С. Пушкина в «Дневниках» М.М. Пришвина

Алиева Раиса Раджабовна

Кандидат филологических наук,
доцент кафедры истории русской литературы,
Дагестанский государственный университет;
367000, Россия, Республика Дагестан, Махачкала, ул. Гаджиева, д. 43-а,
e-mail: dagalieva@mail.ru.

Аннотация

Данная статья посвящена интерпретации творческого наследия великого русского поэта А.С. Пушкина в «Дневниках» М.М. Пришвина. В ней раскрыто благотворное влияние личности Пушкина, высоких идеалов свободы, истины, добра и красоты его творчества на формирование характера, жизненной позиции, нравственных, эстетических, философских убеждений Пришвина. Своеобразие дарования Пушкина: искренность, простота высокой пробы определяется им как «целокупность». Размышления о Пушкине, природе его дарования привели Пришвина к пониманию истинной сущности творческого таланта, его роли в жизни общества. М.М. Пришвину удалось благодаря влиянию Пушкина исторически истинно, объективно, многоаспектно осмыслить, понять современную жизнь, ее «болевые» проблемы и трагические ситуации. Пушкин для Пришвина был олицетворением духовной мощи России, ее национальной культуры.

Ключевые слова

Сила творческой личности, «целокупность», деспотизм и проблема «маски», философские категории свободы и необходимости, грозная сила молчания личности, сила сопротивления Малого, два типа «маленького человека», оппозиция «власть» и «личность», великая маскировка, пушкинский афоризм.

*«Пока в России длится Пушкин,
Метелям не задуть свечу»
(Д. Самойлов)*

Введение

С 1991 года по настоящее время в России впервые осуществляется многотомное издание «Дневников» М.М. Пришвина, которые он вел почти пятьдесят лет. Большая часть их не была и не могла быть опубликована при жизни писателя, так как при советской власти их «трезвая правда» была опасна и неприемлема для властей. Только теперь, более чем через полвека после смерти Пришвина, впервые для читателей и исследователей открывается все его грандиозное творение, ставшее уникальным памятником сложного и трудного времени, пережитого Россией и советским народом в первой половине XX века. Несомненно права была жена и соратница писателя В.Д. Пришвина, когда признала, что «Дневники», «вероятно, высшее его в искусстве»¹.

Чтение дневников убеждает в необычайной начитанности и эрудированности М.М. Пришвина, глубине

и разносторонности его читательских интересов, широте тематического диапазона его записей. В поле его зрения, пристального внимания и размышлений в течение всей жизни постоянно находились глубочайшие эстетические, философские, нравственные, социальные проблемы; решая их, он обращался не только к своему жизненному опыту, но и к произведениям русских и зарубежных писателей, философов, искусствоведов, мемуаристов, критиков. Многие из них он перечитывает в течение ряда лет, цитирует, интерпретирует, вспоминает; они стали вечными спутниками жизни, содержанием его внутреннего мира.

Как видно из дневниковых записей Пришвина, Пушкин, как и Гоголь, Лев Толстой, Достоевский, Шекспир и другие писатели-классики постоянно живет в его памяти и сознании. Пушкина наряду с Толстым и Достоевским он считает олицетворением России, ее духовной мощи. «Пока с нами Лев Толстой, Пушкин и Достоевский, Россия не погибнет», – писал Пришвин еще во время I мировой войны². А в самые тревожные дни ноября 1941 года он вновь называет Пушкин-

1 Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: Дневник любви. – СПб., 2003. – С. 73.

2 Пришвин М.М. Дневники: 1914-1917. – СПб.: Росток, 2007. – С. 545.

на одним из лучших представителей русского народа, русской культуры: «Эти дни Суда всего нашего народа, всей нашей культуры, нашего Пушкина, нашего Достоевского, Толстого, Гоголя, Петра Первого...»³. Пришвин признавал, что Пушкин органичен для России, что без Пушкина Россия непредставима. «Пушкиным я никогда не занимался, потому что всегда казалось, что Пушкин – это именно то, что само собой разумеется»⁴.

Он помнил многие строки поэта, цитировал его, с ним сверял свои раздумья о жизни, ее глобальных проблемах. Высокие идеалы свободы, истины, добра и красоты, воплотившиеся в творениях Пушкина, оказались созвучными пришвинскому мироощущению и благотворно повлияли на его формирование («с юности запали в меня и дали возможность самоопределяться»). Он помнит день рождения поэта, лицейскую годовщину, переживает трагедию его преждевременной смерти. 25 февраля 1940 года он записывает в «Дневнике»: «Со смертельной раной лежал Пушкин, у него пуля была в животе, который есть у каж-

дого человека... А души такой, как у Пушкина, ни у кого не было...»⁵.

Писатель признавал непосредственное влияние Пушкина на его собственное творчество. В записи от 4 февраля 1937 года он отметил, что это влияние проявляется, во-первых, в способе восприятия и изображения явлений природы, т.е. в умении показать природу в движении, «феноменологически». Во-вторых, это воздействие творческой манеры автора романа «Евгений Онегин» на способ повествования в романе «Кашеева цепь», точнее, на характер отношений автора и героя в нем.

Здесь же раскрывает Пришвин своеобразие писательского дарования Пушкина. Оно – в его искренности, непосредственности, простоте высокой пробы, называемой «целокупностью». Он пишет: «В особенности же в Пушкине близка мне простота, которая ему будто врожденна, а нам приходится ее достигать. Об этой простоте все знают, и в то же время очень трудно сказать, в чем именно она состоит. Что она значит? Народная простота. В декадентском кружке это называлось кляризмом (ясностью); у Достоевского, для которого пушкинская простота была недостижимой звездой, называ-

3 Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. – Т.8: Дневники (1905-1954). – М.: Худ. лит., 1986. – С. 313.

4 Там же.

5 Там же. – С. 73.

лась целокупностью... Мне это – лучшее пушкинское (2 нрзб:), когда я думаю о Пушкине»⁶. Размышление о Пушкине, о природе его дарования, привели Пришвина к мысли о сущности истинного таланта вообще. «Художник есть такой человек, который сохранил в душе своей себя как ребенка и может по-своему смотреть на мир тем первым младенческим взглядом и потом пропускать свой материал через всю сложность взрослого, мыслящего человека. Чем больше сохранится этот младенец, тем больше в творце простоты, целостности, ясности. Я не говорю, что литератор должен быть прост: Гоголь, Достоевский не простые писатели, а гениальные. Но и Гоголь, и Достоевский с наслаждением забросили бы всю свою гениальность, если бы могли. «Я» Пушкина – это «мы», и не хочется говорить от своего имени без стыда, надо учиться у Пушкина простоте»⁷.

Писатели-классики как представители русской народной культуры

В записи от 19 августа 1937 года Пришвин противопоставляет попарно

6 Там же. – С. 317.

7 Там же. – С. 330.

Пушкина – Толстого и Гоголя – Достоевского. В основе антитезы – особенность мироощущения и миропонимания этих писателей. «Если взять словесное искусство, то Пушкин – Толстой характерны радостью жизни, которой закрыта личная трагедия мастера. Напротив, у Гоголя – Достоевского природа, счастье и вся жизнь планеты и вселенной существует как среда и условие страдающей личности»⁸.

19 октября 1937 года, в день лицейской годовщины, сделана запись о Пушкине, точнее, о двух единственных ценностях жизни, важных для Пушкина: воля и покой. По сочувственному тону записи заметно, что в этом с Пушкиным солидарен сам писатель. «У Пушкина говорится о двух единственных ценностях: воля и покой»⁹.

12 января 1938 года имя Пушкина возникает в дневнике в связи с рассуждениями писателя об отношении современников к наследию прошлого, в том числе и к художественному наследию. Для него бесспорно, что такие уникальные явления, как творчество Пушкина, русская народная культура, разносторонняя деятельность Петра Первого, Ломоносова, бессмертны и незабываемы.

8 Там же. – С. 340.

9 Там же. – С. 253.

В записи от 8 апреля 1938 года писатель отразил свои раздумья о роли поэта в жизни общества, об истинности его оценок исторических событий, его интуиции, художественного чутья. И вновь он обращается для доказательства своих суждений к личности и творчеству Пушкина. Он сопоставляет позиции царя Николая I и поэта Пушкина в отношении к восстанию декабристов и его последствиям. «Вооруженное восстание офицеров (Николай I): пять человек повешены, и Пушкин чуть с ума не сошел от гнева («Пророк»): что же было делать Николаю? Говорят, обмануться, но, может быть, на самом деле это значит как раз очнуться от сна, который называется правдой? Иначе, как объяснить иллюзии и сны о свободе Пушкина в отношении их к «правде» царя Николая I: разве как глава государства Николай I был не прав, что он казнил пять человек из офицеров, выступивших с оружием против государственного строя, который они обязаны были защищать? И тем не менее мы сочувствуем до сих пор Пушкину, потрясенному той казнью, назвавшему того царя убийцей. И особенно остро это сочувствие поэту в наши дни»¹⁰.

10 Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: Дневник любви. – СПб., 2003. – С. 134.

На этом примере Пришвин доказывает, что именно поэту дано видеть высшую правду истории; его иллюзии и сны о свободе оказываются истиннее, реальнее правоты царя, логики его поступков (подобным образом трактовали поэтическое философы всеединства)¹¹. Правота поэта становится очевидной не сразу, а в жизни последующих поколений.

Роль произведений Пушкина в формировании мировоззрения писателя

Пришвин справедливо упоминает Пушкина среди писателей-классиков (Л. Толстого, Гоголя, Достоевского, Тургенева), которые «входили в жизнь и влияли на нее», а это влияние было благотворным и на их современников, и на потомков (в записях от 9 августа 1930 года, 23 апреля 1932 года и др.).

Особенно высоко в плане гуманистического, нравственного, патриотического воспитания, а также влияния на самого писателя, оценивает он повесть Пушкина «Капитанская

11 См. Хохлова Л.В., Дворникова Н.А. Мифотворчество и поэзия: проблема языка в русской духовной культуре // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 4. – С. 78-101.

дочка». 7 апреля 1933 года он записывает в «Дневнике»: «Прочитал Пушкина «Историю пугачевского бунта» и «Капитанскую дочку». Наконец-то дожил до понимания «Капитанской дочки» и тоже себя: откуда я пришел в литературу. Утверждение мира в гармонической простоте («мечты и существенное» – сходятся). Пушкин отсылает своего Онегина и вообще «героя нашего времени» к Пугачеву (Швабрин) и оставляет себе то простое, что есть в «Капитанской дочке». И теперь читаешь – и как будто у себя на родине... именно это родина; моя родина не Елец, где я родился, не Петербург, где наладился жить... моя родина, непревзойденная в простой красоте и, что всего удивительней, органически сочетающейся в ней доброте и мудрости человеческой, – эта моя родина есть повесть Пушкина «Капитанская дочка»¹². Эта трактовка хрестоматийного произведения Пушкина поражает глубиной, оригинальностью, истинностью, поэтичностью.

Своеобразна и интерпретация Пришвиным известной пушкинской «Сказки о рыбаке и рыбке». Она приводится в письме к знакомому Пришвина Б.Д. Удинцеву, которое помещено в

12 Пришвин М.М. Дневники: 1918-1919. – СПб.: Росток, 2008. – С. 144.

«Дневнике» в записи от 23 апреля 1940 года. Он соотносит образы «Сказки» с характерами его самого и членов его семьи. «Все у нас произошло, как продолжение всем известной сказки о рыбаке и рыбке. Вы, наверное, замечали, читая эту сказку, что она не закончена, потому что роль... Старика не раскрыта. В самом деле: злая Старуха справедливо наказана, огорченная Рыбка уходит в море, но за что наказан Старик, если он же и пощадил Золотую Рыбку? Не должно быть, чтобы чудесная рыбка позабыла человеческое добро и оставила Старика на растерзание Старухи. Не может этого быть!»¹³. Эту сказку писатель и его супруга В.Д. Пришвина продолжили примером своей собственной жизни. Старик и Золотая Рыбка вступили в брак, создали семью и стали «раскрывать перед несчастным человечеством секрет вечной молодости и красоты.... Волшебная Рыбка превратилась в женщину, исполненную всеохватывающего желания творчества жизни, собирания земного множества в такое же единство, в какое собраны капельки воды в ее родной стихии – в океане»¹⁴.

13 Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге»: Из дневников 1931-1952 // Наше наследие. – 1990. – № II (14). – С. 68.

14 Там же.

Так образы «Сказки о рыбаке и рыбке» Пушкина, своеобразно понятые Пришвиным, помогли ему разобраться в сложностях личной жизни, определиться в отношении к старой, оставленной жене (Старухе) и высоко оценить свою единственную настоящую любовь, поэтически образно назвав любимую женщину золотой, чудесной, волшебной Рыбкой.

Проблема личного и государственного начала в дневниках М.М. Пришвина

Одной из самых актуальных, волнующих писателя проблем на протяжении многих лет была проблема деспотизма и его жертв. Она возникает в «Дневнике» значительно раньше зловеще кровавого 1937 года в записях, относящихся еще к периоду Первой Мировой войны, сделанных между 1914-1917 годами.

С первых месяцев и лет после установления советской власти, осмысливая реалии современной жизни, Пришвин стал замечать, как в ней все более отчетливо проявляются признаки неуважения, безжалостности властей по отношению к личности, к отдельному человеку. Уже 16 июня 1918 года он пишет, что в обществе

«... теряется жалость к отдельному человеку и торжествует общечеловек»¹⁵, что «...у большевиков чувство массы преобладает над чувством личности»¹⁶, и не может согласиться с этой позицией. Тогда же возникает и первая аллюзия на поэму Пушкина «Медный всадник». Пришвин вспоминает Евгения, который «говорил, как безумный, Медному всаднику: «Ужо тебе, Ваше Высочество! Ты пришел, и я тень твоя, с тобой, я буду ходить по следам за тобой, тень твоя»¹⁷. Так на образах поэмы Пушкина определилась впервые у Пришвина попытка переосмыслить ее и с учетом новых реалий жизни иронично, по-новому оценить суть ее конфликта.

Новый импульс к решению и оценке этих проблем дало совершенное писателем с группой коллег путешествие на Север, на место строительства Беломоро-Балтийского канала им. Сталина, затеянного по инициативе советского деспота для нового насилия над природой – соединения Белого моря с Балтийским, точнее, с Онежским озером. Строительство велось силами заключенных специальных лагерей, в ходе которого,

15 Там же. – С. 70.

16 Там же. – С. 68.

17 Там же. – С. 69.

по мысли властей, они должны были пройти процесс перевоспитания, реабилитации и включиться в нормальную жизнь. От писателей Сталин ждал всплеска славословий в свой адрес за грандиозный замысел, мудрость и новаторство.

Но у Пришвина восхвалений не получилось, и текст его очерка, написанного для коллективного сборника статей «Канал имени Сталина», был отвергнут.

Однако с того времени и до конца жизни писателя темы: власть и личность, личность и общество, коллектив – становятся предметом постоянного раздумья и откровенных записей в «Дневнике». Неоднократно и неслучайно в этой связи возникают аллюзии из вышеназванной поэмы Пушкина. Эти проблемы представляются Пришвину настолько значительными и важными, что он делает попытку осветить их «легально» в романе «Осударева дорога», над которым работает 16 лет: с 1932 по 1948 год, долго перерабатывает и так не увидит напечатанным при жизни. Самые сокровенные мысли откровенно поверяются только «Дневнику».

Особенно многочисленными становятся записи на эту тему с середины 30-х годов: Пришвин не мог не

реагировать на государственный террор, насаждаемый Сталиным в немыслимых масштабах, на режим страха, охвативший страну, на беспрецедентное подавление, унижение личности во всех возможных ее проявлениях, вплоть до уничтожения, на культ лжи, изощренного цинизма и лицемерия. В этих условиях Пришвин утверждает абсолютную ценность человека, провозглашает постулат свободной личности как незыблемой основы общества. При этом он оперировал часто универсальными философскими категориями свободы и необходимости, добра и зла, «надо» и «хочется» во всей их сложности и неоднозначности. Их символы он видит в поэме Пушкина «Медный всадник».

В 1937 году проблема эта всецело завладела писателем: «Следует довести это до того, чтобы все впечатления, поступающие ко мне из жизни, располагались по двум этим категориям»¹⁸, – пишет он 1 ноября 1937 года. А в записях от 10 и 25 ноября писатель разъясняет свою позицию. Он считает, что человеческое «надо» приводит к нивелировке личности («личности не будет»), а «хочется» связано с проявлением свободы воли, с ощущением человеком своей

¹⁸ Там же.

самоценности. «И каждому дитяте дано испытание борьбы его «хочется» с «так надо», и победителем бывает такое дитя, у которого его «хочется» для других переходит в «так надо»: это и есть истинные победители и творцы». 30 января 1939 года писатель признает: «Потихоньку про себя я уже который год разрабатываю одну и ту же тему «Медного всадника»: «дело из разума» – есть «Медный всадник»; «дело из сердца», «личность» – есть Евгений»¹⁹. Здесь разум и сердце противопоставлены.

5 августа 1939 года вновь упоминается «Медный всадник», «где поставлена проблема обывателя, а она содержит всю современность»²⁰. Его волнует судьба отдельной, неповторимой, незаменимой личности, живущей под прессом тоталитаризма. Об этом он думает постоянно, находясь в различных обстоятельствах, наблюдая за различными явлениями социальной жизни, жизни природы, припоминая события общечеловеческой и русской истории: столкновение раскольников с государством Петра I, историю всех массовых революций и восстаний против деспотизма, которые заканчивались установлением

19 Там же. – С. 70.

20 Там же.

новых деспотий, еще более кровавых, чем прежние; «так надо» господствовало в отношении индустриализации нашей страны, военизации, военного образования, национальности и тому подобного. «И ради всего этого «обильно пролитая кровь» – «так надо!», – пишет он 1 октября 1937 года, а 2 апреля 1938 года признается: «Не могу с большевиками, потому что у них столько было насилия, что едва ли им уж простит история за него. И с фашистами не могу...»²¹. И 22 сентября 1938 года он пишет: «Не все ли равно Муссолини, Петр, Гитлер: Муссолини идет через абиссинца, Гитлер – через чеха, Петр – через несчастного Евгения. И все мы, обыватели, сочувствуем абиссинцу – чеху – Евгению. И замечательно, когда это чувство личное, живое и непосредственное»²². Здесь Пришвин четко обозначил свои предпочтения, хотя, конечно, непривычно встречать имя Петра I в такой «компании».

В записи от 7 сентября 1938 года уже иной ракурс: «Мы все вовлекаемся в большое дело. Совершается переделка всего мира... «большое дело» с лицами не считается, а ведь из лиц же состоит человеческий

21 Там же.

22 Там же.

мир»²³. 8 октября позиция уточняется: «Если хотят оправдать какую-нибудь мерзость, говорят: «большое дело», и тогда «мерзость» объясняется как неизбежный этап к отдаленной цели»²⁴. 10 октября 1938 года дан конкретный пример. «Если для постройки большого небоскреба разрешается снести маленькие домики и расстраиваются несколько сот живущих в них семейств, то небоскреб является в отношении этих разоренных существ агрессором точно таким же, как Германия и Чехословакия или как Медный Всадник в отношении Евгения»²⁵. Пришвин считает, что «самый жгучий вопрос нашего времени на всем свете» – это судьба обывателя, Евгения, обычного человека, находящегося под властью деспота, и приходит к выводу о необходимости выступить в защиту Евгения против Медного всадника.

На первом плане у писателя – личность. «...Каждый, даже самый маленький ручеек, должен о себе всё сам решать и быть самим собой со своей географией и биографией и собственным именем...»²⁶. В конце 1938 года он делает философски-обобщенный

вывод о соотношении «Хочется» и «Надо». «Свое личное и есть ребенок, сохраненный взрослым, и жизнь человека есть борьба за свое Хочется (быть самим) с так Надо (быть, как все). И так вся жизнь есть движение по кругу: центристремительная сила – стремление быть, как все, и центробежное – стремление быть самим собой»²⁷.

В конце января 1939 года проблема предстает более сложной. «Именно же ведь и называется тот человек хорошим, кто не посвящает себя какой-нибудь «идее», например, общего дела, а в каждом отдельном случае знает, как надо действовать. Еще должна быть у хорошего человека внутренняя свобода (а не служба в долг): Большая Волга, Большое дело, Медный Всадник... В понятие «большое» входит и жестокое, как будто большим делом оправдывается жестокость. «Большое дело» есть и отвлеченное дело, т.к. оно складывается из малых дел, путем уничтожения их особенностей»²⁸. В связи с этими размышлениями находится и запись от 19 мая 1939 года: «Шестерня заменима, но человек должен быть незаменимым, а они (большевики – Р. А.) поступают с человеком, как с шестерней,

23 Там же.

24 Там же.

25 Там же. – С. 71.

26 Там же.

27 Там же.

28 Там же. – С. 69.

и рассчитывают на то, что их много и всякого есть, кем заменить»²⁹.

16 и 19-го июня 1939 года Пришвин вновь размышляет о героях поэмы Пушкина «Медный всадник» и трагедии «Борис Годунов». «Я» – это все, что мог бы сказать Евгений Медному Всаднику... Евгений и неизреченное слово, которого именно и боятся все властелины. В том-то, может, и есть сила Евгения, что его проклятие не переходит в слово, и Евгения единственного нельзя изловить, соблазнить, использовать. Не словом, а бурей разряжается его мысль, и у «Властелина» «мальчики кровавые в глазах». «Евгений – это «народ безмолвствует», а дела Бориса кажутся ему самому суетой. Евгений – это Смерть, хранящая культуру, укрывающая великие памятники духа под землю, чтобы они вставали потом и судили победителей»³⁰.

Так, соединив впечатления от двух пушкинских шедевров: трагедии «Борис Годунов» и поэмы «Медный всадник», Пришвин утверждает грозную силу молчания личности, страшного своей потенцией, таящего угрозу тирану. «Так что это и очень хорошо, что речь Евгения была не напечатана: вероятно, это сильно в мол-

29 Там же. – С. 71.

30 Там же. – С. 72.

чании, страшно, как вопрос делу Петра, вопрос молчания»³¹.

Молчание, как верно заметил писатель, стало определять и линию поведения советских людей по отношению к властям после всех пережитых потрясений в середине 30-х годов. В записи от 30 июля 1939 года заметен этот переход от интерпретации пушкинских произведений к оценке животрепещущей проблемы современной общественной жизни: нравственного состояния и линии поведения своих современников, реальных и потенциальных жертв сталинского деспотизма. «Все отдельные, личные стоны, вопли, жалобы, попытки осмыслить беду и на ходу выбросить в воздух протест или соединить в группу, вступить в заговор, все это, все, все мало-помалу заменилось сознанием чего-то неодолимого, о чем надо молчать. И тогда как будто все сговорились об этом, замолчали о главном и стали каждый по-своему спасаться и делать, что можно. В таком созданном молчании всего личного мало-помалу начал определяться ход великого исторического процесса переустройства всего человеческого мира»³². И 5 августа того же года, как

31 Там же. – С. 82.

32 Пришвин М.М. Дневники: 1932-1935. – СПб.: Росток, 2009. – С. 796.

бы подытоживая свои раздумья, Пришвин записал: «Медный Всадник», где поставлена проблема обывателя, содержит всю современность»³³.

Писатель придает конфликту личность – власть глубокий философский смысл. Он признает, что «сила всеобщего закона развития в том, что силы нового Большого сокрушают старое Маленькое. Но есть в этом всеобщем исполнении закона непонятное исключение: в этом Малом, обреченном, открывается такая сила сопротивления, что на его сторону становится само будущее. Так, мы знаем все, что в «Медном Всаднике» будущее не за Петром, а за Евгением.

Однако писатель далек от идеализации малого, отдельного человека. Он составляет два типа «маленького человека»: Евгения из поэмы «Медный Всадник» и раба из стихотворения «Анчар». В них он видит антиподов по отношению к необходимости, к Надо, к власти. Позиция раба – безоговорочная покорность, полное подчинение власти. Другой тип поведения у Евгения, оказавшегося личностью, способной после пережитых страданий к протесту, бунту против власти, к противостоянию ей. «У раба, – пишет Пришвин, – должны быть другие идеа-

33 Там же. – С. 797.

лы, чем у царя, – в чем они, – что сказал Евгений Медному Всаднику?»³⁴. Позиция Евгения импонирует писателю. «Медный Всадник» – «Он», государство, Евгений – «Я», душа, мы, и, конечно, в перспективе будущего «ужо!» Евгений прав: он **пророк** (выделено автором – Р.А.); так что Всадник – это настоящее, это необходимость, власть, «он», «они» – это берега, а Евгений – вода текущая»³⁵. В поведении и судьбе Евгения, таким образом, торжествует правда жизни, ее высший смысл, двигатель прогресса. Личность Пришвин считает универсальной, она «включает в себя способность действовать самостоятельно, независимо от учета своей полезности... и даже часто против того, что все считают пользой для общества»³⁶.

И незадолго до смерти образы и коллизии «Медного Всадника» продолжают интересовать Пришвина. 23 марта 1952 года он записывает в «Дневнике»: «Я вспоминаю «Медного Всадника»: личное и государственное начала в нем представлены так, что автор сочувствует Евгению, но признает необходимость Медного

34 Там же.

35 Пришвин М.М. Дневники: 1930-1931. – СПб.: Росток, 2006. – С. 302.

36 Там же. – С. 282.

Всадника»³⁷. Оппозиция «власть» и «личность» здесь оценена на примере поэмы Пушкина в ее сложности, неоднозначности: и власть – не «чистое» зло, а зло, приводящее к добру, и личность – добро, прорыв к лучшему, символ внутренней свободы и самостоятельности, способности противостоять деспотии.

Таким образом, через оппозицию героев пушкинской поэмы Пришвину удалось осмыслить, понять современную жизнь, ее «болевые» проблемы, ее трагические ситуации исторически истинно, объективно, многоаспектно.

Заключение

Извлечение уроков из великого пушкинского наследия продолжалось и при неоднократном упоминании в «Дневнике» цитаты из итогового стихотворения Пушкина «Памятник». Впервые заключительный пушкинский стих появился в «Дневнике» Пришвина 17 сентября 1935 года после пережитой неприятности, сути которой он не раскрыл. Зафиксирован лишь вывод писателя, данный в форме обращения к самому себе. «Заруби, заруби, Михаил, себе на носу заповедь:

37 Там же.

не заноситься перед невеждами и не оспаривать глупца»³⁸.

В порядке самовоспитания он обязался 30 раз повторять в «Дневнике» этот стих ежедневно, по возможности углубляя тему. Уже на следующий день – 18 сентября Пришвин стал выполнять задуманное. Повторив пушкинскую строку, он уточняет, конкретизирует ее трактовку. «Не оспаривай глупца, или не мечи бисер перед свиньями, потому что это разрушает организацию спокойствия в любовном внимании. Не оспаривай глупца, или береги занятую высоту»³⁹. На третий день, 19 сентября, записав строку, он придает ее интерпретации более глубокий философский смысл. «Не оспаривай глупца! Сохраняй всюду, на каждом месте, внутреннее равновесие»⁴⁰. Далее в этой записи писатель приходит к выводу, что в лицемерном обществе ради самосохранения честному и искреннему человеку следует «надевать маску и строить личину»⁴¹.

О маске как способе защиты личности в чуждом и опасном окру-

38 Пришвин М.М. Дневники: 1932-1935. – СПб.: Росток, 2009. – С. 798-799.

39 Там же. – С. 825.

40 Там же. – С. 835.

41 Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге»: Из дневников 1931-1952 // Наше наследие. – 1990. – № II (14). – С. 78.

жении, как свободе в выборе модели поведения Пришвин писал в «Дневнике» еще в 1930 году. «Нельзя открывать своего лица – вот это первое условие нашей жизни. Требуется обязательно мина и маска»⁴². 20 ноября того же года: «Игра двумя лицами (маскировка) ныне стала почти для всех обязательной. Я же хочу прожить с одним лицом, открывая и прикрывая его, сообразуя с обстоятельствами»⁴³.

Избранный писателем образ жизни охотника в глубинке, в русской провинции, тоже был своеобразной маскировкой, он позволил ему не быть на виду, вести свой откровенный тайный дневник и сохранить его. В нем он признается, что его личина любителя природы, полумаргинальная жизнь была маской, своеобразным юродством, которые корнями уходят в традицию русской литературы и имеют в русской культуре высокий смысл – борьбы со злом средствами искусства. «Творчество есть <великая маскировка>, великое скрывание или даже создание лица, личности, единства, закрывающих зло», – пишет он в «Дневнике»⁴⁴.

42 Пришвин М.М. Дневники: 1930-1931. – СПб.: Росток, 2006. – С. 876.

43 Там же. – С. 67.

44 Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге»: Из дневников 1931-1952 // Наше наследие. – 1990. – № II (14). – С. 78.

Вообще тема маски в культуре XX века была одной из существенных, но в русской литературе 30-х годов проявлялся ее социальный подтекст. Маска становится в страшном мире ГУЛАГов, бесследных исчезновений одним из способов спасения жизни.

Другой способ выжить Пришвин видел в том, чтобы отгородиться от общества, «двигаться все глубже и глубже в пустыню», прикинуться простаком. «Если же строить личину, то лучше всего английскую (искренности, простоты)»⁴⁵, – замечает он.

Размышления над пушкинскими строками способствовали определению жизненной позиции писателя, его мировоззрения. Так, в записи от 20 сентября 1935 года заметно, что он опасается, что пушкинский постулат, доведенный до крайности, может оказаться вредным для человека, привести его к апатии, к изоляции от жизни, а это неприемлемо.

Продолжая осмысление пушкинского афоризма, в записи от 23 сентября Пришвин подчеркнул, что совет Пушкина помог ему возвыситься над мелочами жизни и думать о главном в ней, о той «большой тревоге», которую она вызывает.

Седьмая запись сделана 24 сентября. Она отличается философской

45 Там же. – С. 69.

глубиной, концепционностью. «Не оспаривай глупца» – это косвенно относится к борьбе за свою личность: ты должен обладать собственной инициативой в жизни, иметь в основе собственный почин; если же ты это упустишь, то тебя возьмут и заставят делать не то, что ты хочешь. И надо полагать, что основное разделение людей в этом и есть: одни сами живут, другие невольники. И мы хотим сделать не так, чтобы все были свободными, а чтобы свободные от природы люди не попадали в неволю и наоборот: невольники природные не брали на себя дело свободных... Природный невольник на положении свободного является непременно деспотом»⁴⁶. Отталкиваясь от слов Пушкина, Пришвин формулирует один из самых заветных своих жизненных принципов: он ценит более всего способность личности к самостоятельности, к противоборству обстоятельствам.

17 октября, когда Пришвин приводит в «Дневнике» пушкинским афоризм 26-ой раз, он обосновывает его справедливость в полусутоливой форме. «Возмущенный до крайности тем, что вчера Щербаков не упомянул меня в числе писателей, от которых

надо чего-нибудь ждать, я бросился сегодня с ним ругаться, но вспомнив «не оспаривай», самым спокойным, но крайне холодным тоном перечислил все роды своей литературной деятельности. Эффект был величайший, Щербаков был пристыжен до крайности, подполье разрушилось, и жилище мне обеспечено»⁴⁷. (Речь идет о квартире в Москве, которой Пришвин долго добивался от Союза писателей).

30 октября 1935 года закончился срок добровольно наложенной Пришвиным на себя своеобразной епитимьи, а 1 ноября он делает последнюю запись по этому поводу, как бы подводит итог раздумьям. «Конец епитимьи «не оспаривай»: хотя и злоба остается, но все-таки не надо оспаривать: ведь, если злоба, то надо научиться ее сносить, и это можно делать тоже по-разному: и благородно, и подло»⁴⁸.

Рассмотрев отношение Пришвина к творчеству Пушкина, показав его роль в формировании мировоззрения писателя, его жизненной позиции, мы убедились в том, как глубоко, многогранно, функционально, поистине неисчерпаемо творческое на-

46 Пришвин М.М. Дневники: 1932-1935. – СПб.: Росток, 2009. – С. 75.

47 Там же. – С. 786.

48 Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге»: Из дневников 1931-1952 // Наше наследие. – 1990. – № II (14). – С. 76.

следие великого русского поэта и как обращение к нему пронизательного, мудрого писателя М.М. Пришвина в качестве читателя, реципиента было плодотворно и помогло ему глубже понять и точнее многих современни-

ков оценить события личной и общественной жизни, ключевые проблемы того трудового, переломного времени – первой половины XX века, в которое ему довелось прожить в России и выжить – физически и духовно.

Библиография

1. Пришвин М.М. Дневники: 1914-1917. – СПб.: Росток, 2007. – 698 с.
2. Пришвин М.М. Дневники: 1918-1919. – СПб.: Росток, 2008. – 560 с.
3. Пришвин М.М. Дневники: 1930-1931. – СПб.: Росток, 2006. – 705 с.
4. Пришвин М.М. Дневники: 1932-1935. – СПб.: Росток, 2009. – 1008 с.
5. Пришвин М.М. Леса к «Осударевой дороге»: Из дневников 1931-1952 // Наше наследие. – 1990. – № II (14). – С. 63-82.
6. Пришвин М.М. Собр. соч. в 8 т. – Т.8: Дневники (1905-1954). – М.: Худ. лит., 1986. – 757 с.
7. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: Дневник любви. – СПб., 2003. – 254 с.
8. Хохлова Л.В., Дворникова Н.А. Мифотворчество и поэзия: проблема языка в русской духовной культуре // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке. – 2012. – № 4. – С. 78-101.

Interpretation of A.S. Pushkin's personality and creativity in Prishvin's "Diaries"

Alieva Raisa Radzhabovna

PhD (Philology), docent of the Department
of history of the Russian literature,

Dagestan state university,
P.O. Box 367000, Gadzhieva st., 43-a, Makhachkala,
Republic of Dagestan, Russia;
e-mail: dagalieva@mail.ru

Abstract

This paper focuses on the interpretation of the creative heritage of the great Russian poet Alexander Pushkin in M.M. Prishvin's "Diaries". It is revealed a beneficial effect of Pushkin's personality here, high ideals of freedom, truth, goodness and beauty of his work on the formation of character, position in life, moral, aesthetic, philosophical beliefs of Prishvin. The originality of Pushkin's talent: sincerity, simplicity of a high sample is defined by him as "totality." Reflections on Pushkin, the nature of his talent led Prishvin to understanding of the true nature of creative talent and its role in society. M.M. Prishvin due to the influence of Pushkin managed to historically and truly, objectively comprehend and understand modern life, her "painful" problems and tragic situations. For Prishvin Pushkin was the personification of the spiritual power of Russia, its national culture.

Keywords

Power of the creative personality, "totality", despotism and the problem of "a mask", philosophical category of freedom and necessity, thundery power of silence, the strength of resistance of a small, two types of a "little man", the opposition of "power" and "personality", a great disguise, Pushkin's aphorism

References

1. Khokhlova, L.V., Dvornikova, N.A. (2012), "Mythmaking and poetry: the language problem in the Russian spiritual culture" ["Mifotvorchestvo i poeziya: problema yazyka v russkoi dukhovnoi kul'ture"], *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, No 4, pp. 78-101.
2. Prishvin, M.M. (2007), *Diaries: 1914-1917 [Dnevniki: 1914-1917]*, Saint-Petersburg, 698 p.
3. Prishvin, M.M. (2008), *Diaries: 1918-1919 [Dnevniki: 1918-1919]*, Saint-Petersburg, 560 p.

4. Prishvin, M.M. (2006), *Diaries: 1930-1931* [*Dnevnik: 1930-1931*], Saint-Petersburg, 705 p.
5. Prishvin, M.M. (2009), *Diaries: 1932-1935* [*Dnevnik: 1932-1935*], Saint-Petersburg, 1008 p.
6. Prishvin, M.M. (1990), "Forests to "The Czar's Road": From the diaries of 1931-1952" ["Lesya k "Osudarevoi doroge": Iz dnevnikov 1931-1952"], *Nashe nasledie*, № II (14), pp. 63-82.
7. Prishvin, M.M. (1986), *Collected works* [*Sobranie sochinenii*], vol. 8, *Diaries (1905-1954)* [*Dnevnik (1905-1954)*], Moscow, 757 p.
8. Prishvin, M.M., Prishvina, V.D. (2003) *We're together: Diary of love* [*My s toboi: Dnevnik lyubvi*], Saint-Petersburg, 254 p.